

АНАЛИЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

DOI: 10.14515/monitoring.2017.1.05

Правильная ссылка на статью:

Пешкова В. М. Дискурсы о «диаспорах» в современной российской федеральной прессе // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 61—79.

For citation:

Peshkova V. M. Diaspora discourses in contemporary Russian Federal press. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. № 1. P. 61—79.

В. М. Пешкова ДИСКУРСЫ О «ДИАСПОРАХ» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПРЕССЕ

ДИСКУРСЫ О «ДИАСПОРАХ» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПРЕССЕ

DIASPORA DISCOURSES IN CONTEMPORARY RUSSIAN FEDERAL PRESS

ПЕШКОВА Вера Михайловна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра региональной социологии и конфликтологии Института социологии РАН, Москва, Россия.

E-MAIL: pever@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3530-922X

Vera M. PESHKOVA¹ — Cand. Sci. (Hist.), Senior Research Fellow

E-MAIL: pever@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3530-922X

¹ Center for Regional Sociology and Conflictology Studies, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISRAS), Moscow, Russia

Аннотация. Исследуются особенности дискурса «о диаспорах» в российской федеральной прессе за 2010 — первое полугодие 2015 гг. Посредством критического дискурс-анализа выявлены значимые информационные поводы; основные темы и контексты, в которых репрезентируются диаспоры как действующие лица; речевые и когнитивные приемы в представлении ситуаций с их участием. Выделены два основных медиадискурса: в рамках первого, «зарубежные диаспоры», диаспора определяется как общность представителей этнической группы,

Abstract. The article examines the characteristics of the discourse on diasporas in the Russian federal press in 2010 — the first half of 2015. Based on the critical discourse analysis, the article explores relevant events, main themes and contexts in which the diasporas are represented as actors, as well as speech and cognitive techniques used to cover the diaspora topics. Two main major media discourses on diasporas are singled out. The first media discourse, «foreign diaspora», considers the diaspora as a community of representatives of an ethnic group living outside of their home

проживающей за пределами «своего» государства; второй — характерен для представления «диаспор» в России, ему присуща неоднозначность не только в характере тем, но и речевых и когнитивных стратегий (в его рамках «диаспора» используется для обозначения сообщества консолидированного по этническому принципу, независимо от территории исхода). Таким образом, к диаспорам в России пресса относит представителей народов Средней Азии и Кавказа (в том числе, Северного Кавказа), презентация которых чаще всего происходит в контексте обсуждения межэтнических конфликтов, миграции и государственной национальной политики.

Ключевые слова: медиадискурс, критический дискурс-анализ, медиарепрезентации, диаспора, этнокультурное разнообразие, российская федеральная пресса

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 5-18-00093 «Прогнозное моделирование межэтнических отношений в российских регионах (на основе анализа идентификационных стратегий диаспорных и земляческих групп)», Институт социологии РАН.

Описание научной проблемы

Изменение государственных границ Российской Федерации вследствие распада СССР, а также массовая международная миграция, прежде всего из стран СНГ, привели к появлению новой категории этнических групп или, точнее способствовали тому, что их часть, составляющая население России, приобрела новый статус. Речь идет о диаспорах, проживающих в настоящее время вне страны своего происхождения в российских регионах (например, армянская, таджикская и др.).

Дискуссия о том, какие этнические общности можно называть диаспорами, а какие нет, как определять диаспору, активно ведется уже несколько десятилетий. За это время в зарубежной и отечественной научной литературе сложи-

country. The second one is typical for diasporas in Russia; it is ambiguous in the topics and speech and cognitive strategies. In this discourse the term «diaspora» is used to describe an ethnically consolidated community regardless of its geographical origin. Thus, the Russian media labels as 'diaspora' representatives of ethnic groups from Central Asia and the Caucasus (including the North Caucasus); their presentation most often occurs in the context of inter-ethnic conflicts, migration and national policy of the Russian state.

Keywords: media discourse, critical discourse analysis, media representation, diaspora, ethno-cultural diversity, Russian federal press

Acknowledgment. The article is supported by the Russian Science Foundation, project no. 5-18-00093 «Predictive model of inter-ethnic relations in Russian regions (based on an analysis of the identification strategies of diaspora and fellow countrymen), Institute of Sociology of the RAS.

лось отдельное направление исследования диаспор [Armstrong, 1976; Brubaker, 2005; Clifford, 1994; Cohen, 1997; Safran, 1991; Sheffer, 1986, 2003; Левин, 2001; Попков, 2002; Тишков, 2000; Тощенко, Чаптыкова, 1996; Шнирельман, 1999].

Понимание диаспоры, а также применение этого термина в научных контекстах менялось таким образом, что произошла дисперсия его значения в семантическом, концептуальном и дисциплинарном пространстве, что Р. Брубейкер назвал «диаспорой «диаспор»» [Brubaker, 2005: 1—19]. В более ранних работах диаспора подразумевает культурную самобытность по отношению к другим этническим группам; обращается внимание на вынужденность расселения (например, евреев, армян, палестинцев) (привод. по [Попков, 2002: 6—22]), упоминается скорее символическое, чем реальное возвращение на родину [Safran, 1991: 83—99]. В более поздних работах под диаспорой подразумевают любого рода рассеяние, в том числе и торговые диаспоры (например, иммигрантов из Китая), и возникшие в результате трудовой миграции (например, турки в Германии) [Cohen, 1997], подчеркивается культурная гибридизация диаспор [Bhabha, 1994: 139—170] и постоянные транснациональные связи представителей диаспоры со страной исхода [Faist, 2008: 21—42; Хантингтон, 2004: 432—456]. Несмотря на различия между ранними и поздними подходами, понимание диаспоры связано с осмыслением перемещения, расселения и миграции; а определение диаспоры включает три обязательные характеристики: причины расселения, поддержание связей со страной исхода в стране поселения и включение (интеграцию) мигрантов и/или меньшинств [Faist, 2010: 12].

Наиболее актуальным, на наш взгляд, является подход Р. Брубейкера, согласно которому современную диаспору следует определять и изучать не как этническую группу или этнографический факт, а как практику или как множество диаспорных проектов, так же как, например, изучаются националистические проекты [Brubaker, 2005: 13]. Концепции Брубейкера соответствует подход Розы Тцагарусиану, которая считает, что диаспоры следует рассматривать не как (за)данные сообщества, а как хотя и детерриториализованные производные от этнической или национальной группы, но как постоянно (вос)создаваемые воображаемые сообщества [Tsagarousianou, 2004: 60].

Можно заключить, что и современные диаспоры в России не являются (за) данными едиными группами. Внутренние различия определяются множеством социальных, экономических и культурных факторов. Иными словами, любая современная диаспора в российских регионах не однородна по своему социально-культурному составу (так как включает как давно интегрированные слои, так и недавних трудовых мигрантов) и роли, которую мигранты играют в социально-экономической и политической жизни конкретного российского региона.

Научная дискуссия о современной ситуации вокруг диаспор в России, как правило, интересна небольшому кругу специалистов. Между тем в общественном мнении существует свое представление о современных социальных процессах, в том числе и об этнокультурном разнообразии и о социальном взаимодействии, которое интерпретируется как межэтническое. В его формировании важную роль играют средства массовой информации, не только информируя, но и влияя на когнитивно-дискуссионное осмысление этого взаимодействия [Маклюэн, 2005; Кара-Мурза, 2015; Нозль-Нойман, 1996; Назаров, 2000; Почепцов, 2003; Маркин, Земсков, 2013].

По мнению некоторых отечественных исследователей в российских СМИ преобладает этническая категоризация культурных и социальных различий; используется определенный список этнических категорий и правил их упорядочения, которые приводят к созданию стереотипных этнических имиджей и иерархий, а также противопоставлению «мы» — «они» [Рыжова, Пешкова, 2003; Сагитова и др., 2003].

Другие исследования показали, что в российских СМИ активно обсуждается тема «этнической» миграции, в первую очередь «кавказцев», репрезентация которых сводится к образу — «гостей с юга», этнически маркированных мигрантов, а социальное взаимодействие с их участием выстраиваются СМИ с позиции «наш Дом» [Карпенко, 2002a]. Подобный медийный дискурс, по сути, воспроизводит повседневную этническую категоризацию, часто выражающуюся в ксенофобных и этнофобных высказываниях. Такие установки свойственны не только повседневному и медийному дискурсу, но и текстам многих российских экспертов и обществоведов [Малахов, 2002; Шнирельман, 2011: 361—374], которые не ставят под сомнение существование границы между «мы» и «они», вместо того, чтобы помещать в фокус анализа вопрос об агентах и используемых ими процедурах проведения границы между «своими» и «чужими» [Карпенко, 2002b]. Этнолог В. К. Малькова также фиксирует примеры нетолерантной этнической журналистики, воспроизводство негативных этнических стереотипов в российской прессе [Малькова, 2002; 2004].

В последние годы интерес к изучению медийного дискурса об этнокультурном разнообразии российского населения растет. Однако работы в основном фокусируются на одном из аспектов данной проблематики, а именно, на этнических мигрантах. Среди них следует назвать исследование Е. Ходжаевой, посвященное особенностям репрезентации этнической проблематики в ведомственной полицейской прессе [Ходжаева, 2011]; работу Л. Сагитовой о дискурсе общероссийских и региональных СМИ по поводу взаимодействия милиции и «этнических меньшинств» [Сагитова, 2011]; а также публикации, содержащие анализ представлений мигрантов в российских медиа как «инаковых»/«чужих» [Маркина, 2015; Клименко, 2016].

В данной статье предлагается исследовать иной аспект репрезентаций этнокультурного разнообразия в СМИ, а именно проанализировать особенности медийного дискурса об одной из категорий этнических групп современной России — о диаспорах. Каким образом масс-медиа определяет диаспоры? Какие информационные поводы служат репрезентации данных сообществ? В контексте каких тем обычно сообщается о представителях различных диаспор, и осуществляется их этническая категоризация? Как в СМИ происходит проблематизация социальных ситуаций с участием представителей диаспор, а также какие роли им приписываются и какие дискурсивные стратегии привлекаются к созданию этих образов?

Теоретико-методологическое обоснование и методы исследования

Наиболее полно ответить на поставленные вопросы позволяет критический дискурс-анализ, одним из ярких теоретиков которого является Т. А. Ван Дейк¹ [Тичер и др., 2009; Йоргенсен, Филлипс, 2008]. В когнитивном анализе процесса обработки дискурса голландский исследователь выделяет два основных

¹ Описание и использование метода см. в: [Ван Дейк, 2000, 2013].

аспекта: структуры представления знаний и способы их концептуальной организации. Так, среди глобальных структур дискурса он называет макроструктуры или семантическое содержание категорий, входящих в суперструктурные схемы, которые в свою очередь задают общую форму дискурса и могут быть эксплицированы в терминах конкретных категорий, определяющих его тип [Ван Дейк, 2000: 41]. В основе интерпретации дискурса предлагается анализировать находящиеся в эпизодической памяти когнитивные репрезентации ситуаций или модели, которые включают опыт предыдущих событий с теми же или подобными предметами, лицами или явлениями [Ван Дейк, 2000: 103]. Этот структурный анализ эффективен при изучении телевизионных и особенно газетных новостей, представляющих, по мнению Ван Дейка, особый вид социального дискурса [Ван Дейк, 2000: 111—121]. В то же время «структуры новостей могут быть адекватно поняты только в одном случае: если мы будем анализировать их как результат когнитивной и социальной деятельности журналистов по производству текстов и их значений и как результат интерпретации текстов читателями газет и телезрителями, производимой на основе опыта их общения со средствами массовой информации» [Ван Дейк, 2000: 123]. Анализ новостей также подразумевает как изучение последовательности слов, предложений и связей между ними, так и анализ всего текста (газетного сообщения) как целого, что дает «возможность читателям извлекать топик текста из последовательности предложений» [Ван Дейк, 2000: 127]. Среди категорий организации текста, важных при анализе газетных новостей, Ван Дейк выделяет следующие: заголовки и вводки, главное событие, фон, контекст, история, вербальные реакции или комментарии [Ван Дейк, 2000: 131]. В результате каждое освещаемое событие или ситуация получают репрезентацию в терминах субъективной модели, которая отражает такие постоянные категории, как обстановка (время, место), обстоятельства, участники, событие/действие и соответствующие им характеристики, включая оценочные свойства. Модели выступают и в качестве референциальной основы когнитивной интерпретации этих событий [Ван Дейк, 2000: 141—149].

Данный подход Ван Дейк применил к изучению этнических предубеждений и расизма. По мнению голландского исследователя, как для устных рассказов, так и для сообщений СМИ об этнических ситуациях, характерны особые когнитивные и речевые стратегии, которые определяются не только своим содержанием, но также стилем мышления или оценки, то есть, стратегиями обработки социальной информации об этнической группе. Подобная информация часто содержит стратегии «обобщения» и «сверх обобщения», в соответствии с которыми свойства индивидуальных участников ситуации или событий принимаются за свойства всей группы или этнически маркированных ситуаций. Помимо них, часто используются и такие стратегии, как «атрибуция свойств», «приведение примера», «усиление», «повтор», «контраст», «смягчение», «предположение». Представляется важным вывод Ван Дейка — названные стратегии, с одной стороны, направлены на оптимальную «мы-презентацию», а с другой, на негативную «они-презентацию», что облегчает создание аргументированных выводов, делающих оценки этнических ситуаций достоверными или социально приемлемыми [Ван Дейк, 1989]. Основываясь на количественных и качественных данных, полученных при анализе

новостей в Британии и Голландии, он также пришел к выводу, что наиболее частые темы об этнических ситуациях и этнических меньшинствах, встречающиеся в прессе, соответствуют преобладающим этническим представлениям, находящим выражение в повседневном общении («иммиграция как вторжение», «иммигранты и беженцы как паразиты», «источники преступлений», «трудности восприятия иной культуры») цит. по [Водак, 2011: 288].

Согласно данным опросов, печатные СМИ как источник информации уступают по популярности и степени доверия телевидению², однако пресса продолжает занимать свою нишу в информационном пространстве (и она расширяется за счет электронных версий газет). Это делает прессу важным источником анализа особенностей медийного дискурса об одной из категорий этнических групп современной России — диаспорах.

Нами проанализированы федеральные печатные СМИ за пять с половиной лет (с 2010 г. по первое полугодие 2015 г.). Анализ проводился в два этапа. На первом был выполнен количественный анализ базы данных, созданной с помощью автоматической системы «Медиаология»³, которая позволяет проводить самостоятельный поиск и анализ российских СМИ разных типов по количественным и качественным характеристикам. Система содержит около 92 млн источников информации, позволяющих осуществлять мониторинг более 26 тыс. федеральных и региональных СМИ. Было сформулировано и выполнено около десятка запросов по ключевым словосочетаниям со словом «диаспора». Выборка с единственным ключевым словом «диаспор*» составила около 5500 сообщений. Намного чаще встречается словосочетание «национальная», меньше — «этническая диаспора», что связано, скорее всего, с советской научно-образовательной традицией категоризации населения через понятие «национальность», а не «этничность». В итоге было решено остановиться на анализе контента, сформированного в результате выбора публикаций по словосочетанию «этнич*/национ*&диаспор*» (далее «диаспора»), поскольку данный запрос оказался наиболее оптимальным и точным с точки зрения определения «диаспора» и охвата материала.

На втором, содержательном, этапе был выполнен сравнительный, качественный анализ текстов статей (отобранных по поисковому запросу на первом этапе) по проблематике «диаспора». Выявлены наиболее значимые информационные поводы, основные темы, в контексте которых упоминаются «диаспоры», приписываемые им роли, их медийные оценки и речевые приемы, используемые для заголовков статей, описывающих события с участием «диаспор».

Результаты количественного анализа

Выборка публикаций в российской федеральной прессе по ключевому слову «диаспора» за указанный период составила 3495 сообщений (2636 в газетах и 859 публикаций в журналах). Анализ динамики распределения числа публикаций по годам показывает вектор интереса федеральной прессы к проблематике «диаспора», а именно постепенный равномерный рост с 2010 г. (659 сообщений) с всплеском

² ТВ, Интернет, газеты, радио: доверяй, но проверяй? // ВЦИОМ: Пресс-выпуск № 3098. 2016.

³ «Медиаология». URL: <http://www.mlg.ru/>.

в 2013-м г. (751 сообщение) и резким спадом в 2014-м г. (502 сообщения) (см. рис. 1).

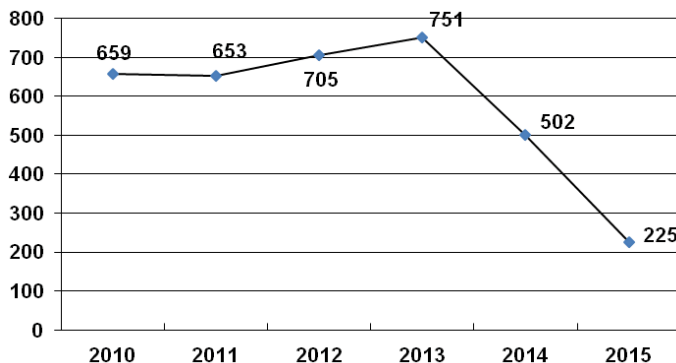

Рисунок 1. Распределение сообщений, содержащих ключевое слово «диаспора» по годам, 2010-первое полугодие 2015 г., (число сообщений)

Анализ распределения сообщений по месяцам объясняет, в какие месяцы и в связи с какими информационными поводами происходит рост числа сообщений, охватывающих проблематику «диаспоры», а также в каком тематическом контексте они чаще всего проблематизируются. Так, в 2010 г. пик сообщений (143 сообщения или почти 22 % от общего числа сообщений) пришелся на декабрь: в связи с массовыми беспорядками на Манежной площади. В остальное время среднемесячное число сообщений составляло 45 единиц. В 2011—2012 гг. публикации распределены по месяцам равномерно, без особых всплесков (от 55 до 59 сообщений в месяц). В 2013 г. произошли два события, послуживших информационными поводами для активного обсуждения в федеральной прессе проблематики «диаспоры». В июле 2013 г. было опубликовано 81 сообщение (или почти 11 % от общего числа), большая часть которых касалась массовых выступлений жителей города Пугачёва (Саратовская область), вызванных убийством местного жителя чеченским подростком. Пик публикаций 2013 г. приходится на октябрь (135 сообщений или 18 % от общего числа) в связи с массовыми выступлениями, сопровождавшимися этническими погромами в Бирюлёво. В остальные месяцы среднее число публикаций составляло 55—58 сообщений. Наконец, 2014 г. и первая половина 2015 г. характеризуются заметным спадом интереса к данной проблематике — среднее число сообщений в месяц составляло 42.

Общероссийский медийный дискурс о «диаспорах» в рассматриваемый период формируется преимущественно одними и теми же федеральными печатными изданиями. Четверть сообщений приходится на «Независимую газету», «Российскую газету», «Известия», «Московский Комсомолец» и «Коммерсантъ», из чего можно сделать вывод, что эти издания являются наиболее влиятельными в формировании медийного дискурса по проблематике «диаспора». Первые десять изданий охватывают более трети сообщений с ключевым словом «диаспора» (см. рис. 2).

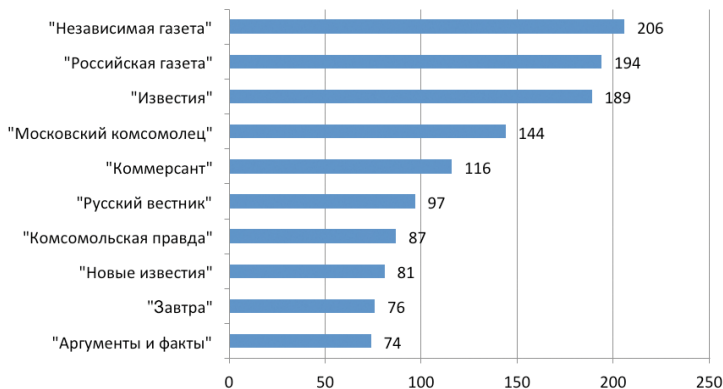

Рисунок 2. Федеральные издания, содержащие наибольшее число сообщений по проблематике «диаспора», за 2010-первое полугодие 2015 г.г., (число публикаций)

Анализ упоминаний в федеральной прессе слова «диаспора» в контексте сообщений о представителях конкретного народа показывает, какие этнические категоризируемые «диаспоры» являются наиболее обсуждаемыми (см. рис. 3).

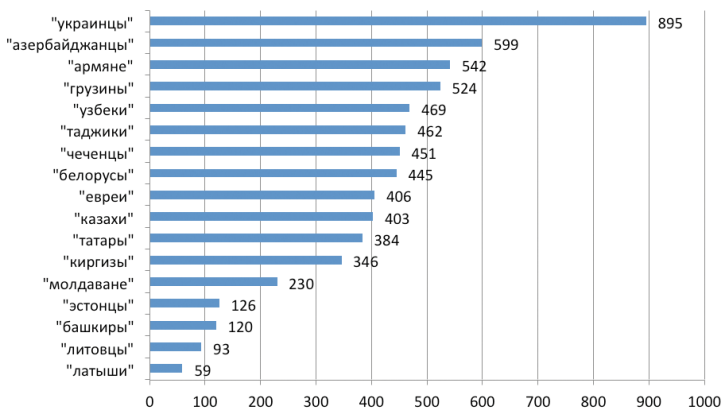

Рисунок 3. Частота упоминаний в российской прессе представителей разных этнических групп в контексте сообщений о «диаспорах»

Результаты качественного анализа

Определение «диаспоры»

В целом для федеральной прессы характерна неоднозначность в определении «диаспоры». В первую очередь отметим определение «диаспоры» как общности представителей этнической группы, проживающей за пределами «своего» государства, встречается довольно редко, и, как правило, связано с освещением событий, происходящих за рубежом, с участием представителей того или иного этноса (например, армянами или евреями). «Диаспора» как общественная организация, а также как неформальное сообщество, выражающее интересы какой-

либо этнической группы, (в т. ч. представителей народов российского Северного Кавказа), чаще всего упоминается в сообщениях о ситуациях с участием «диаспор» в России. Данное определение «диаспоры» встречается во множестве контекстов: как в публикациях о встречах руководителей различных объединений с представителями органов власти и полиции в конфликтных ситуациях (например, события вокруг Манежной площади в Москве и т. п.), так и по вопросам регулирования миграции, организации и проведения культурных мероприятий (например, Сабантуй, День дружбы народов и т. п.), и в целом представления этнокультурных интересов российских народов.

Распространено определение «диаспоры» как синонима «этнического землячества», то есть, землячества, сформированного по принципу общего этнического происхождения. Подмена слова «землячества» «диаспорой» в отношении некоторых российских народов свойственна всем типам федеральных СМИ. Чаще всего в таком определении «диаспора» используется в сообщениях, где действующими лицами являются представители народов Северного Кавказа в других российских регионах. Это можно объяснить тем, что как в медийном, так и в повседневном дискурсе понятие «диаспора» обладает большими интерпретативными возможностями, чем «землячество».

Встречается и довольно экзотическое определение «диаспоры» — в качестве национальной спортивной команды, а также спортивных фанатов родом из того же региона, что и команда: «...сейчас в «Анжи» образовалась питерская диаспора, ведь помимо Денисова махачкалинцы приобрели еще двух воспитанников «Зенита»...»⁴.

Публикации СМИ, в которых проводится различие между «диаспорой» и этнической общиной (в т. ч. образованной представителями этнических групп, исторически проживающих на территории России) являются исключением. Например, «Северный Кавказ — неотъемлемая часть России. Выходцы из тех мест не мигранты. И они в нашем городе не диаспора. Диаспору образуют выходцы из других государств. Говорить о «кавказской диаспоре» в Москве — все равно, что о питерской или воронежской»⁵.

Встречается также определение «диаспоры», в основании которого лежат различного рода обобщения, например, расовые («азиатская диаспора»), культурные, цивилизационные («славянская диаспора Джалал-Абада»⁶), религиозные («мусульманская диаспора в Европе»⁷).

«Зарубежные/мировые диаспоры»

Большинству «зарубежных диаспор» приписывается использование, во-первых, своих экономических ресурсов, в виде денежных переводов и инвестиций разбогатевших соотечественников, в экономику страны исхода. Чаще других упоминается экономическая активность еврейской, армянской, индийской и китайской диаспор: «... Китай привлек капиталы хуяцао — зарубежной китайской диаспо-

⁴ Кириллов Д. Плата за «золото» // «Новые известия». 12 июля 2013.

⁵ Млечин Л. «Русский марш» бессмысленный и бесплощадный // «Московский Комсомолец». 8 ноября 2011.

⁶ Улеев В. В Бишкеке договорятся, потому что конфронтация бесполезна // «Известия». 3 ноября 2011.

⁷ Вятчанин Н. НАТО провоцирует мощный всплеск терроризма // «Российская Федерация сегодня». 11 апреля 2011.

ры, — которые и сегодня составляют до половины всего объема иностранных инвестиций»⁸. Кроме частных инвестиций упоминается государственная поддержка культурных и образовательных программ для своих диаспор в разных странах мира: например, Германия перечисляет деньги немецкой диаспоре в России на курсы по изучению немецкого языка⁹.

Во-вторых, в прессе отмечается, что «диаспоры» являются активными игроками во внутренней политике принимающих стран. В частности, во время выборов они могут использоваться для мобилизации электората соответствующего этнического происхождения. Причем поддержка «диаспорами» того или иного кандидата может иметь определенные геополитические последствия: для привлечения указанной части электората политики нередко дают обещания улучшения двусторонних отношений со страной исхода «диаспор». Яркий пример — еврейская диаспора Франции, проголосовавшая за Саркози благодаря его произраильским позициям¹⁰, а также публикации о лоббировании этническими общинами своих интересов в американской политике. В частности, в одном из сообщений говорилось о том, что во время выборов американские политики привлекают голоса «армянской диаспоры» в США в обмен на обещание поддержки Армении в её борьбе за признание геноцида армянского народа Турцией¹¹. Иными словами, согласно федеральным СМИ, «диаспоры» играют роль как во внутренней политике принимающей страны, так и во внешней политике и в международных отношениях со страной исхода, когда «диаспора» используется как политический посредник, а также сила, через которую можно влиять и на третьи страны.

Отдельно можно выделить тему репрезентации в СМИ «мусульманских диаспор» в Европе. Федеральная пресса, как правило, не различает отдельные мусульманские «диаспоры», а формирует единый образ религиозного сообщества, возникающего в результате внешней миграции, и создающего благоприятную среду для экстремизма и терроризма. Подобные сообщения часто заканчиваются предупреждением, что такое не должно повториться в России, и приводятся как иллюстрация эффективной внутренней миграционной политики РФ¹².

Определенную часть медийного дискурса о «зарубежных диаспорах» составляют сообщения о «русской» или «русскоязычной диаспоре», в качестве синонима которой также употребляется понятие соотечественники. Основная медийная характеристика «русской диаспоры» — разобщенность. Образ «русской диаспоры» раскрывается в нескольких тематических контекстах: это — активность современных русских в Европе (в первую очередь, в Лондоне), «русская научная диаспора», существование которой оценивается негативно, поскольку, по мнению авторов публикаций, ведет к уменьшению человеческого капитала в России; история русской эмиграции в разных частях мира; и, наконец, создание «Русского мира» как цивилизационный аспект активности «русской диаспоры». Особое внимание

⁸ Тудоровский Я. Великий китайский путь. Какие реформы сделали Поднебесную «экономическим чудом»? // Аргументы и факты. 9 ноября 2011.

⁹ Никифоров О. Фатерланд отказался от крымских немцев // «Независимая газета». 18 ноября 2014.

¹⁰ Цилюрик Д. Трагедия в Тулузе потрясла мир // «Независимая газета». 21 марта 2012.

¹¹ Тема геноцида становится элементом внешней политики в мире // «Независимая газета». 25 апреля 2011.

¹² Котов К. Бесконфликтный Страсбург // «Парламентская газета». 15 апреля 2011.

уделяется роли русского языка и православия как обязательного элемента связи с родиной и сохранения «русской» идентичности.

«Дiasпоры» в России

Речевые и когнитивные стратегии. Репрезентация «диаспор» в прессе происходит, как правило, с привлечением нескольких основных когнитивных и речевых стратегий, которые свойственны не только российской прессе, но и, например, любым разговорным стратегиям об этнических группах [Ван Дейк, 2000, 294—300]. Это (сверх)обобщение, приведение примера, усиление, контраст и стереотипизация. Использование данных стратегий в газетных текстах по проблематике российских «диаспор» приводит к негативной, как правило, «они-репрезентации» народов Кавказа (в первую очередь Северного) и Средней Азии. Одна из целей таких речевых стратегий состоит в том, чтобы, с одной стороны, достичь оптимальной самопрезентации, а с другой, представить негативные описания как чуждые, полученные из посторонних источников. К этим стратегиям добавляется и такой прием как «мнение эксперта». Он облегчает создание аргументированных выводов, делающих оценки ситуаций с «этническими» действующими лицами достоверными или социально приемлемыми [Ван Дейк, 2000, 2013; Карпенко, 2002b]. Причем этот властный дискурс транслируется с самого высокого уровня, например, главы государства: *«Президент затронул и тематику межнациональных отношений, он отметил, что мэрам необходимо поддерживать контакты с национальными диаспорами, чтобы вместе предотвращать конфликты на этнической и религиозной почве. Президент подчеркнул, что правила на всей территории России должны быть общими»*¹³.

Другими словами, еще одна стратегия состоит в том, что часто «диаспоры» как действующие лица, особенно российских событий, репрезентируются не как равноправные остальным участникам события субъекты, а как объекты, в отношении которых совершаются действия либо со стороны органов власти, либо правоохранительных органов.

Тем не менее стоит отметить публикации, в которых сообщается об активной роли представителей разных «диаспор», например, в разрешении спорных и конфликтных ситуаций, при участии диаспорных организаций в общественных советах, встречах с представителями органов власти (как правило, ограничиваются обсуждением различных культурных мероприятий), а также статьи о привлечении «диаспор» к регулированию миграции.

Основные характеристики «диаспор» в России. В отличие от «диаспор» за рубежом, темы, в контексте которых происходит репрезентация «диаспор» в России, отличаются большим разнообразием и неоднозначностью интерпретаций. Так, судя по частоте упоминаний, армянская «диаспора» в России федеральной прессе менее интересна, чем, к примеру, украинская или узбекская. Российская пресса представляет «армянскую диаспору» как самую активную (наряду с армянским государством) силу, во-первых, в лоббировании признания мировой общественностью и политиками геноцида армян Турцией, и, во-вторых, интересов Армении в Карабахском конфликте.

¹³ Созаев-Гурьев Е. Кремль учит мэров обустроить малую родину // «Известия». 24 октября 2013.

Начиная с 2010 г., идет постепенный, но стабильный рост количества публикаций, в которых фигурирует «украинская диаспора». Пик приходится на 2014 г.: выделяются несколько тем, в контексте которых происходит репрезентация «украинской диаспоры». Первая касается не принятия «братской помощи» со стороны России и организации евромайда на при поддержке «Запада». Вторая — охватывает сообщения о собственно «украинской диаспоре» в разных частях мира, в первую очередь в Канаде и в самой России. Причем украинская «диаспора» изображается как мост между Россией и Украиной. Наконец, третья тема включает статьи по истории украинских националистов.

К «диаспорам» федеральная пресса, как правило, относит и сообщества представителей республик Северного Кавказа, хотя они и являются гражданами России. В целом обобщенная категория «кавказская диаспора» = «кавказцы», в которую, бывает, даже в рамках одной публикации контекстуально объединяются сразу несколько понятий, такие как чеченская «диаспора», северо-кавказская «диаспора», «азербайджанцы» и т. п. — на первом месте по активности обсуждения (более 1000 публикаций или треть всех публикаций за рассматриваемый период). Именно «кавказцы» являются основными действующими лицами в массиве публикаций, информационным поводом для которых послужили конфликтные события, вызвавшие общероссийский резонанс (беспорядки на Манежной площади, в Бирюлево и в Пугачево). Причем порой пресса не детализирует, о представителях какого кавказского народа идет речь, но в следующей публикации этого же издания о том же событии может использоваться этническая категоризация (например, «чеченский подросток»), что позволяет читателю построить когнитивную цепочку, которая находит подтверждение в публикациях о таком событии в других печатных изданиях. Эта стратегия характерна и для сообщений в «спокойные» месяцы, когда интерес федеральной прессы к «кавказцам» остается выше, чем к другим «диаспорам».

Рассмотрим подробнее отдельные характеристики, чаще всего приписываемые «диаспорам» северокавказских народов (и в некоторых примерах среднеазиатских народов). Во-первых, это «поддержка своих»/способность к быстрой консолидации, солидарность. Согласно данным федеральной прессы, эта характеристика базируется на таких традициях как уважение старших и клановость, категоризируемые как патриархальные. С одной стороны, они оцениваются негативно, поскольку консолидируя эти сообщества, одновременно дистанцируют их от остального российского населения. С другой, — используются российским государством как механизм контроля этих сообществ, особенно в конфликтных ситуациях, когда другие механизмы управления не эффективны. *«Обращение к уважаемым «старейшинам» помогло, например, при улаживании ряда конфликтов в Ростовской области, когда дело дошло даже до перестрелок. Русские местные власти ничего поделаться не могли, но вмешались представители диаспоры и навели порядок»¹⁴.*

Пресса приводит и такую характеристику рассматриваемых «диаспор» как «следование своим традициям» (в том числе, «подчинение своим авторитетам»), причем часто в противовес российским правилам и законам. Это, в свою очередь, ведёт к формированию еще одной характеристики — «этнической преступности».

¹⁴ Седых Н., Добрынина Е. Мы с тобой одной крови // «Российская газета». 18 октября 2013.

Пресса создает образ этнически криминализированных «кавказских» сообществ, как организованных социальных единиц, защищающихся от законного наказания либо соотечественниками, либо коррумпированной полицией.

Основные «действующие лица». В качестве действующих лиц рассматриваемых сюжетов помимо собственно разных «диаспорных» сообществ, федеральная пресса упоминает государственные структуры: от российского государства в целом до его отдельных институтов, в первую очередь полиции и органов местной власти. Согласно данным федеральной прессы, отсутствие адресного взаимодействия государства с «диаспорами» приводит не просто к недоверию власти со стороны населения, но и к межэтническим конфликтам. Часть печатные СМИ предлагают рассматривать как следствие внутрироссийской политики по отношению к Северному Кавказу, прежде всего в сфере бюджетных финансовых предпочтений: *«Так, полиция не может или не хочет противостоять северокавказским диаспорам, представители которых чувствуют себя свободными в любом беспределе на улицах наших городов. На Кавказ льются потоки денег, которые сами чиновники в частных беседах называют данью, русские области нищают и вымирают. Неудивительно, что обычными стали конфликты на межнациональной почве»*¹⁵.

Наряду с представителями органов власти и правоохранительными органами, федеральная пресса упоминает в качестве действующего лица «местное сообщество», представителями которого чаще всего называются молодёжные и националистические организации. Последние, соответственно, особенно часто упоминаются в контексте сообщений о «межэтнических» конфликтах. Так, в описании событий на Манежной площади основными действующими лицами представлены: «кавказцы» («кавказские национальные диаспоры», «сородичи, «соплеменники», «московские северокавказские диаспоры»), футбольные фанаты, националисты и правоохранительные органы. А в Пугачево это «уроженцы северокавказских республик», «молодые представители титульной нации», «местные жители» в целом, а также представители местной власти, пытавшиеся урегулировать конфликт.

Основные темы, в контексте которых происходит освещение ситуаций с участием «диаспор». Указанные выше характеристики «диаспор» наиболее ярко и часто упоминаются в прессе при описании событий, которые репрезентируются как социальные беспорядки и межэтнические конфликты. За рассматриваемый период произошло три наиболее обсуждаемых подобных события, вызвавших общероссийский резонанс и привлечших наибольший интерес федеральной прессы: Манежная площадь, Пугачево и Бирюлево.

В целом, эти события рассматриваются как показатель нестабильных межэтнических отношений в России, складывающихся в результате неравномерного перераспределения ресурсов в местном сообществе и как следствие социальной несправедливости, которая обостряется так же тем, что приезжие живут не «по правилам»¹⁶.

Определенную долю сообщений по проблематике «диаспора» занимают публикации, которые можно объединить в тему «праздники и традиции», отражающие

¹⁵ Что с националистами? // «Аргументы и Факты». 7 ноября 2012.

¹⁶ Сафиулина А. Пугачев восстал против Кавказа // «Коммерсантъ». 2013.

дружбу между российскими народами (религиозные или национальные, например, Сабантуй; а также общероссийские, например, 9 мая, День народного единства), с участием представителей «диаспор» и других этнических сообществ. Встречаются сообщения о национальной культуре и традициях народов, об индивидуальных достижениях в культуре и искусстве их представителей. Здесь, как правило, приводятся примеры реализации программ толерантности, узнавания друг друга через совместные действия, а также различные позитивные примеры этно-культурных мероприятий, активности «домов дружбы» и ассамблей народов России¹⁷.

Заключение

Подводя итоги анализа дискурса о «диаспорах» в федеральной прессе, отметим, что медийный образ «диаспор» в значительной степени формируется сюжетами, информационным поводом для которых служит либо глобально обсуждаемое международное событие (как в случае войны на востоке Украины и включения Крыма в состав России), либо конфликтное событие внутри страны, вызвавшее общероссийский резонанс (например, события вокруг Манежной площади или Бирюлево). Материалы, появляющиеся в остальное время, часто служат фоном, иногда закрепляющим уже сформированные образы, иногда усложняя их большим количеством тем, контекстов и оценок роли конкретной диаспоры.

Выделяется как минимум два медийных дискурса о «диаспорах». В рамках первого, «зарубежные диаспоры», которые определяются как общность представителей этнической группы, проживающей за пределами «своего» государства. Второй — характерен для представления «диаспор» в России, и ему свойственна неоднозначность, как в смысле тем, так и речевых и когнитивных стратегий. В его рамках «диаспора» используется для обозначения сообщества консолидированного по этническому принципу, независимо от территории исхода. К «диаспорам» причисляются и сообщества, которые, скорее, могут быть обозначены как этнические общины, что влияет на определенное когнитивно-дискурсивное осмысление общественным мнением активности представителей данных этнических групп в повседневной жизни. Таким образом, к «диаспорам» в России относят представителей народов Средней Азии и Кавказа (в первую очередь, Северного Кавказа), презентация которых чаще всего происходит в контексте обсуждения межэтнических конфликтов, миграции и национальной политики российского государства.

Определение «диаспоры» как институционализированного представителя всей этнической группы (например, общественной этнической организации) чаще всего происходит в контексте обсуждения государственной национальной политики. В целом тема миграции и социальных конфликтов, которые интерпретируются как межэтнические, становятся информационным поводом, вызывающим всплеск сообщений, содержащих подобный дискурс о «диаспорах». Миграция изображается преимущественно инокультурной и иноэтнической, а «диаспоры», появившиеся вследствие миграции, — как угроза местному населению в первую очередь из-за нежелания интегрироваться, противопоставления своих норм местным правилам.

¹⁷ И меньшинству необходимо давать слово // Российская Федерация сегодня. 2013. № 20.

В медийном дискурсе формируется прямая причинно-следственная связь между увеличением числа мигрантов, увеличением «национальных диаспор мигрантов», ростом криминала и ущемлением социально-экономических и культурных интересов местного населения. Исходя из этого, «диаспоры» в России рассматриваются федеральной прессой как проблема требующая решения. Эта характеристика современного российского медийного дискурса практически не отличается от «охранной» или «хозяйской» дискурсивной стратегии в репрезентации мигрантов, свойственной российским медиа и десятилетие назад [Карпенко, 2002а: 175]. К сожалению, на фоне доминирующего дискурса другие образы «диаспор» теряются, а все многообразие этнокультурного состава российского населения и активность представителей его этнических сообществ сводится к крайним оценкам, ограниченному выбору тем, но самое главное, смещению акцентов при их репрезентации.

Список литературы (References)

Ван Дейк Т. А. Язык, познание, коммуникация. Сборник работ. Б. : БГК им. И. А. Боудуэна де Куртенэ, 2000. [Van Dijk T. A. (2000) Language, Cognition and Communication. Collection of papers. В.: BGK im. I. A. Boduena de Kurtene] (In Russ.).

Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. Кожемякин Е. А., Переверзев Е. В., Амаатов А. М. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ» : URSS. 2013. [Van Dijk T. A. (2013) Discourse and power. Representation of dominance in language and communication. Moscow: Knizhnyi dom «LIBROKOM», URSS.] (In Russ.).

Водак Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 286—291. [Vodak R. (2011) Kriticheskaia lingvistika i kriticheskii analiz diskursa [Critical linguistics and critical discourse analysis]. *Politicheskaya lingvistika [Political linguistics]*. No 4 (38). P. 286—291.] (In Russ.).

Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. 2-е изд., испр. Харьков : Гуманитарный центр, 2008. [Jorgensen M., Phillips L. (2008) Discourse Analysis as Theory and Method. Kharkov: Gumanitarnyi tsentr]. (In Russ.).

Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. Век XXI М. : Эксмо : Алгоритм, 2015. [Kara-Murza S.G. (2015) Manipuliatsiia soznaniem [Manipulation with consciousness]. Moscow: Eksmo: Algoritm] (In Russ.).

Карпенко О. Языковые игры с «гостями с юга»: «кавказцы» в российской демократической прессе 1997—1999 // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под. ред В.С., Малахова, В. А. Тишкова. М. : Институт этнологии и антропологии РАН, 2002а. С. 162—192. [Karpenko O. (2002a) Iazykovye igry s «gostiami s iuga»: «kavkaztsy» v rossiiskoi demokraticheskoi presse 1997—1999 [Language games with «gests from Caucasus»: «Caucasians» in Russian democratic press 1997—1999]. In: *Malakhov V. S., Tishkov V. S. (ed.) Multikulturalizm i transformatsiia postsovetskikh obshchestv [Multiculturalism and the transformation of post-Soviet societies]*. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN, P. 162—192.] (In Russ.).

Карпенко О. Как эксперты производят «этнофобию» // Расизм в языке социальных наук / под ред. Воронкова В., Карпенко О., Осипова А. СПб. : Алетейя, 2002b. С. 23—28. [Karpenko O. (2002b) Как eksperty proizvodiat «etnofobiiu» [How experts produce ethnophobia]. In: Voronkov V., Karpenko O., Osipov A. (ed.) *Rasizm v iazyke sotsial'nykh nauk* [Racism in the Language of Social Sciences]. St Petersburg: Aleteia, P. 23—28.] (In Russ.).

Клименко Е. В. Изобретение «чужого» и конструирование границ: «интеграция мигрантов» в российской прессе по материалам «Российской газеты» // Полития. 2016. № 2 (81). С. 77—88. [Klimenko E. V. (2016) Invention of «the Other» and Construction of Borders: «Integration of Migrants» in the Russian Press on the material of Rossiiskaya Gazeta. *Politeia*. No 2 (81). P. 77—88.] (In Russ.).

Левин З. И. Менталитет диаспоры. М. : Институт востоковедения РАН : Изд. «Крафт+», 2001. [Levin Z. I. (2001) *Mentalitet diaspori* [The Diaspora mentality]. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN, Izd. «Kraft+»] (In Russ.).

Маклюэн М. Галактика Гуттенберга. Становление человека печатающего. М. : Фонд «Мир» : Академический Проект, 2005. [McLuhan M. (2005) *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*. Moscow. Akademicheskyy Proekt.] (In Russ.).

Малахов В. С. Преодолимо ли этноцентричное мышление? // Расизм в языке социальных наук / под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. СПб. : Алетейя, 2002. С. 9—19. [Malakhov V. S. (2002) *Preodolimo li etnotsentrichnoe myshlenie?* [Can Ethnocentric Thinking be Overcome?]. In: Voronkov V., Karpenko O., Osipov A. (ed.) *Rasizm v iazyke sotsial'nykh nauk* [Racism in the Language of Social Sciences]. St Petersburg: Aleteia, P. 9—19.] (In Russ.).

Малькова В. К. Этничность и толерантность в средствах массовой информации Москва : Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. [Malkova V. K. (2002) *Etnichnost i tolerantnost' v sredstvakh massovoi informatsii* [Ethnicity and tolerance in mass media]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS.] (In Russ.).

Малькова В. К. Этнические аспекты журналистики. Из опыта анализа российской прессы. М. : ИЭА РАН — ТАСИС. 2004. [Malkova V. K. (2004) *Etnicheskie aspekty zhurnalistiki. Iz opyta analiza rossiiskoi pressy* [Ethnic aspects of journalism. Based on the experience of Russian press analysis]. IEA RAS — TACIS. M.] (In Russ.).

Маркин В. В., Земсков А. А. Медиаисследования в информационно-аналитическом сопровождении социальных проектов // Информационное сопровождение социальных проектов в современном обществе: материал IV Международной научно-практической конференции / ред.-сост. М. И. Дзялошинская. М. : ИД «АТиСО», 2013. С. 161—177. [Markin V. V., Zemskov A. A. (2013) *Mediaissledovaniia v informatsionno-analiticheskom soprovozhdenii sotsial'nykh proektov* [Media studies in information and analytical support for social projects]. In: *Dzialoshinskaia M. I. (ed.) Informatsionnoe soprovozhdenie sotsialnykh proektov v sovremennom obshchestve: material IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Information support for social projects in the modern society: IV International Scientific Conference Proceedings]. Moscow: ID «ATiSO', P. 161—177.] (In Russ.).

Маркина В. М. Стратегии репрезентации Других в СМИ: теория и методология контент-анализа // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 1 (29). С. 82—90. [Markina V. M. (2015) Strategii reprezentatsii Drugikh v SMI: teoriia i metodologija kontent-analiza [The strategies of othering in media representations: theory and method of content analysis]. In: *Tomsk State University Bulletin. Philosophy. Sociology. Political Science*. No 1 (29). P. 82—90.] (In Russ.).

Назаров М. М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. М.: УРСС. 2000. [Nazarov M. M. (2000) *Massovaiia kommunikatsiia v sovremennom mire: metodologija analiza i praktika issledovaniia* [Mass Communication in the Modern World: Analysis Methodology and Practice of Research]. Moscow: URSS.] (In Russ.).

Нозль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания: пер. с нем. / общ. ред. и предисл. Мансурова Н. С. М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996. [Noelle-Neumann E. (1996) *Öffentliche Meinung. Die Entdeckung der Schweigespirale*. Moscow, Ves mir] (In Russ.).

Попков В. Д. «Классические» диаспоры: к вопросу о дефиниции термина // Диаспоры. 2002. № 1. С. 6—22. [Popkov V. D. (2002) «Klassicheskie» diaspori: k voprosu o definitsii termina [«Classical Diaspora»: the question of the definition of the term]. *Diaspory [Diasporas]*. No 1. P. 6—22.] (In Russ.).

Почепцов Г. Г. Информационные войны. М.: «Рефл-бук»; Киев: «Ваклер», 2003. [Pochepctsov G. G. (2003) *Informatsionnye voiny* [Information warfare]. Moscow: «Refl-buk», K.: «Vakler»] (In Russ.).

Рыжова С. В., Пешкова В. М. Язык межкультурного восприятия в СМИ // Социология межэтнической толерантности / отв. ред. Л. М. Дробизи́ева. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2003. С. 192—214. [Ryzhova S. V., Peshkova V. M. (2003) *Iazyk mezhkul'turnogo vospriiatiia v SMI* [Language of intercultural perceptions in mass media. In: *Drobizheva L. M. Sotsiologija mezhetnicheskoi tolerantnosti [Sociology of Interethnic Tolerance]*. Moscow: Izd-vo Institute of Sociology RAS, P. 192—214.] (In Russ.).

Сагитова Л., Ходжаева Е., Шайхитдинова С., Ерофеев С. «Другой» в текстах массовой коммуникации: культурное многообразие или идеологическое противостояние? (Опыт методики определения толерантности-интолерантности в периодической печати) // Антропология. Меньшинства. Мультикультурализм: Бюллетень. Вып. 4. / под ред. И. В. Кузнецова. Краснодар, 2003. С. 25—46. [Sagitova L., Khodzhaeva E., Shaikhitdinova S., Erofeev S. (2003) «Drugoi» v tekstakh massovoi kommunikatsii: kul'turnoe mnogoobrazie ili ideologicheskoe protivostoianie? (Opyt metodiki opredeleniia tolerantnosti-intolerantnosti v periodicheskoi pechati) [The «Other» in Mass Media Texts: Cultural Diversity or Ideological Confrontation? (Methodological Experience of Investigation of In/Tolerance in Press Media)]. Bulletin: Anthropology. Minorities. Multiculturalism. Ed. by I. V. Kuznetsov. Krasnodar, Issue.4. P. 25—46.] (In Russ.).

Сагитова Л. Милиция и «этнические меньшинства»: практики взаимодействия в зеркале масс-медиа // Милиция и этнические мигранты: практики взаимодействия / под ред. В. Воронкова, Б. Гладырева, Л. Сагитовой. СПб. : Алетейя., 2011. С. 316—361. [Sagitova L. (2011) *Militsiia i «etnicheskie men'shinstva»: praktiki vzaimodeistviia v zerkale mass-media* [Militia and ethnic minorities: practices of interaction mirrored by mass media]. In: *Voronkov V., Gladyshev B., Sagitova L. (ed.) Militsiia i etnicheskie migranty: praktiki vzaimodeistviia* [Militia and ethnic migrants: practices of interaction]. St Petersburg.: Aleteia. P. 316—361.] (In Russ.).

Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса / пер. с англ. Харьков : Гуманитарный центр, 2009. [Titscher S., Meyer M., Wodak R., Vetter E. (2009) *Methods of text and discourse analysis*. Kharkov: Izd-vo Gumanitarnyi tsestr.] (In Russ.).

Тишков В. А. Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 46—63. [Tishkov V. A. (2000) *Istoricheskii fenomen diaspyry* [The Diaspora as a Historical Phenomenon]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Review Ethnographic review]. No 2. P. 46—63.] (In Russ.).

Тощенко Ж. Т., Чаптыкова Т. И. Диаспора как объект социологического исследования // Социологические исследования. 1996. № 12. С. 33—42. [Toshchenko Zh. T., Chaptukova T. I. (1996) *Diaspora as an object of sociological research*. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No 12. S. 33—42.] (In Russ.).

Хантингтон С. Кто мы? : Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. А. Башкирова. М. : ООО «Издательство АСТ» : ООО «Транзиткнига», 2004. [Huntington S. (2004) *Who are we? The Challenges to America's National Identity*. Moscow: Izdatelstvo AST: Tranzitkniga. P. 432—456.] (In Russ.).

Ходжаева Е. Медиарепрезентации этничности в ведомственной прессе: официальный и повседневный профессиональный дискурс // Милиция и этнические мигранты: практики взаимодействия / под ред. В. Воронкова, Б. Гладырева, Л. Сагитовой СПб. : Алетейя, 2011. 362—379. [Khodzhaeva E. (2011) *Mediareprezentatsii etnichnosti v vedomstvennoi presse: ofitsial'nyi i povsednevnyi professional'nyi diskurs* [Media representations of ethnicity in the institutional press: official and everyday professional discourse]. In: *Voronkov V., Gladyshev B., Sagitova L. (ed.) Militsiia i etnicheskie migranty: praktiki vzaimodeistviia* [Militia and ethnic migrants: practices of interaction]. St Petersburg.: Aleteia. P. 362—379.] (In Russ.).

Шнирельман В. Мифы диаспоры // Диаспоры. 1999. № 2—3. С. 6—34. [Shnirelman V. (1999) *Mify diaspyry* [Diaspora myths]. *Diaspyry* [Diasporas]. No. 2—3. P. 6—34.] (In Russ.).

Шнирельман В. «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма. Т. 1. М. : Новое литературное обозрение. 2011. [Shnirelman V. (2011) «*Porog tolerantnosti*»: Ideologiya i praktika novogo rasizma. [Threshold of Tolerance: Ideology and Practice of the New Racism]. Vol.1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.] (In Russ.).

- Armstrong J. A. (1976) Mobilized and proletarian diasporas. *American political science review*. Vol. 70 (2). P. 393—408.
- Bhabha Homi K. (1994) DissemiNation: Time, narrative and the margins of the modern nation. Bhabha Homi K. (ed.) *The Location of Culture*. Routledge. P. 139—170.
- Brubaker R. (2005) The «diaspora» diaspora. *Ethnic and racial studies*. Vol. 28 (1). P. 1—19.
- Clifford J. (1994) Diasporas. *Cultural Anthropology*. Vol. 9 (3). P. 302—338.
- Cohen R. (2008) *Global Diasporas: An introduction*. London and New-York: Routledge.
- Faist T. (2010) Diaspora and Transnationalism: What kind of Dance Partner. Baubeck R., Faist T. (eds.) *Diaspora and Transnationalism Concepts, Theories and Methods*. Amsterdam: Amsterdam University Press. P. 9—34.
- Faist T. (2008) Migrants as transnational development agents: an inquiry into the newest round of the migration — development nexus. *Population, Space and Place*. Vol. 14 (1). P. 21—42.
- Safran W. (1991) Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return. *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*. Vol. 1 (1). P. 83—99.
- Sheffer G. (ed.) (1986) *Modern Diasporas in International Politics*. Palgrave Macmillan.
- Sheffer G. (2003) *Diaspora politics: At home abroad*. Cambridge.
- Tsagarousianou R. (2004) Rethinking the concept of diaspora: mobility, connectivity and communication in a globalized world Westminster Papers. *Communication and Culture*. Vol. 1 (1). P. 52—65.